

УДК 94 (47) "17"

**АГРАРНЫЙ ВОПРОС В ОСТЗЕЙСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ ЦАРСТВОВАНИЯ
ЕКАТЕРИНЫ II****AGRARIAN QUESTION IN THE BALTIC REGION AT THE BEGINNING OF
EMPRESS CATHERINE II REIGN****Г.В. Ибнеева, А.И. Мухамадеев
G.V. Ibneeva, A.I. Muhamadeev***Казанский федеральный университет, Россия 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18**Kazan Federal University, 18 Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia**e-mail: Guzel.Ibneyeva@yandex.ru, necronomicon15@yandex.ru*

Аннотация. В статье реконструируется предыстория созыва ливонского ландтага 1765 г., принявшего патент, наделяющего крестьянство определенными гражданскими правами; анализируются причины, способствующие активизации внимания императрицы Екатерины II и ее правительства к аграрному вопросу в Остзейском крае в начале ее царствования. Рассматривая обстоятельства, способствующие созреванию решения Екатерины II о необходимости вмешательства во взаимоотношения остзейского дворянства и их крестьян, автор показывает особенности системы землевладения, сложившейся в остзейских землях; многообразие повинностей остзейского крестьянина, а также существование владельческих монополий, отягощавших его жизнь. В статье рассматриваются усилия императрицы Екатерины II и ливонского губернатора Ю.Ю.Броуна в деле улучшения положения остзейского крестьянина; реконструируются возможные источники информации о положении частновладельческих крестьян в Остзейском крае. Особое внимание уделяется разбору произведения «Описание одним ливонским патриотом крепостного рабства...» И.Г.Эйзена. Автор выявляет личный вклад императрицы Екатерины II в созыв ливонского ландтага, вынужденного улучшить статус остзейских крестьян.

Resume. The article reconstructs the prehistory of convocation of Livonian Landtag in 1765, accepted the patent granting peasants certain civic rights; analyzes the reasons for the activation of the attention of Empress Catherine II and her government to the agrarian question in the Baltic region at the beginning of her reign. Considering the circumstances that contribute to the maturation of Catherine II decision on the need to interfere in the relations between Baltic nobility and peasants, the author shows the peculiarities of the system of land tenure prevailing in the Baltic lands; the variety of duties of the peasant, as well as the existence of a possessory monopolies, burdened his life. The article deals with the efforts of Empress Catherine II and the Livonian Governor Yu.Yu.Broun in improving the situation of Baltic peasant; reconstructs the possible sources of information on the situation of privately owned peasants in the Baltic region. Special attention is paid to the analysis of the work "the Description of serfdom of one of the Livonian patriot..." of I.G. Eisen. The author reveals the personal contribution of the Empress Catherine II to the convening of the Livonian Landtag, forced to improve the status of Baltic peasants.

Ключевые слова: Остзейский край, остзейские привилегии, остзейское дворянство, крестьянство, ландтаг, аграрный вопрос.

Key words: Baltic lands, Baltic privileges, Baltic nobility, peasants, landtag, agrarian question.

Текст. В январе 1765 г. был созван ливонский ландтаг, который под непосредственным воздействием императрицы Екатерины II, ливонского губернатора Ю.Ю.Броуна принял положения, признающими некоторые гражданские права за остзейским крестьянством. В патенте 20 апреля 1765 г., в котором были отражены основные решения ландтага, признавалось право крестьянина на свою личную, движимую собственность; объявлялось невозможным увеличение оброка, уплачиваемого крестьянином, в силу чего помещика обязан был указывать размер барщины; предоставлялось право крестьянину жаловаться на своих помещиков в случае нарушения размеров барщины или оброка.

Эти достаточно радикальные на первый взгляд решения, отраженные в патенте были приняты в годы, когда императрица держала в объекте своего внимания крестьянский вопрос в России. Однако во внутренней России императрица, как известно не решилась реформировать положение крепостного крестьянства. Чем было вызвано столь пристальное внимание власти к аграрному вопросу, в том числе и его крестьянскому аспекту в Остзейском крае? Что способствовало прямому вмешательству имперской власти в решение этого вопроса, а именно созыву ландтага ливонского дворянства в 1765 г.?

Выявление причин, заставивших императрицу обратить внимание на положение крепостного крестьянства в Прибалтике, потребовало ознакомления с литературой, освещающей аспекты аграрного вопроса в Лифляндии и Эстляндии. Эти сюжеты были в объекте исследований немецких историков различных поколений и направлений. Именно аграрные отношения стали считаться основной осью внутреннего развития общества в истории Лифляндии. Традиция эта была заложена Г.Яннау (1752–1821), ставшего основателем истории остзейского крестьянства и первым историком местного крепостного права¹. Заслужено Яннау явилось введение архивных источников по крепостному праву в Лифляндии и Эстляндии, в том числе материалов ландтага 1765 г., в научный оборот. В его работе «История рабства и характер крестьянства в Лифляндии и Эстляндии» были воспроизведены пункты («препозиции») генерал-губернатора Броуна, представленные лифляндскому дворянству на ландтаге 1765 г. Это позволило реконструировать отношение российской власти к проблеме улучшения положения лифляндского крестьянства².

Подготовка крестьянской реформы в России в середине XIX в. пробудила интерес к положению крестьянства в Остзейских губерниях, проявлением которого стала статья Ю.Эккардта, посвященная лифляндскому ландтагу XVIII в.³ Исследователи XIX в. заложили традицию рассматривать аграрную политику Екатерины по отношению к Остзейскому краю с точки зрения её наступления на привилегии остзейских сословий. Для того, чтобы ограничить автономию прав рыцарства, необходимо было стеснить прибалтийских дворян в их владельческих правах.

Сопряжение аграрного вопроса в Лифляндии с положением привилегированного сословия, а именно остзейского рыцарства (дворянства), было отражено и в последующих трудах Ю.Эккардта (1836–1908) «Балтийские провинции России» (1769) и «Лифляндия в восемнадцатом столетии» (1876)⁴. Эккардт высказывал мнение, что Лифляндия явилась объектом своего рода административных экспериментов, в свете которых он и оценивал реформаторские усилия Екатерины в отношении Остзейского края, в том числе деятельность ландтага 1765 г.⁵ Эта традиция была продолжена и в работах XX в. – в трудах немецкого исследователя Г.Заке⁶, латышского историка Н.Виксинша⁷, современного немецкого ученого Э.Доннерта⁸.

С другой стороны, русские историки начала XX в. В.А.Григорьев, Ф.В.Тарановский и А.Ф.Флоровский подняли вопрос о фискальных интересах государства, лежащих в основе государственной политики облегчения жизни остзейских крестьян⁹. Подобной точки зрения придерживался и советский латышский историк Я.Я.Зутис. Им была достаточно высоко оценена и деятельность ландтага 1765 г., принятие патента которым оказалось препятствием к дальнейшему увеличению повинностей¹⁰.

Для понимания политики российских государей XVIII столетия касательно земельной собственности остзейского дворянства важными представляются работы современного эстонского исследователя М.Лаура. Так, в одной из своих ранних работ он не только охарактеризовал особенности аграрного положения Лифляндии и Эстляндии и владельческие права остзейских помещиков в 60-х годах XVIII в, но и показал отношение российских властителей XVIII столетия к ленным поместьям¹¹. Последние работы изучения крепостного права в Балтийских губерниях М. Сеппеля затрагивают вопросы вмешательства государства во взаимоотношения помещика¹².

Изучение положения лифляндских крестьян связано с историей создания проектов улучшения их статуса, и прежде всего проектов пастора И.Г.Эйзена, что позволило определить отношение Екатерины к аграрному вопросу в Остзейском крае в целом. Проблема сопряжения крестьянских

¹ Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Рига, 1949. Ч. 1. С. 72.

² Jannau H. Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern in Lief.-und Estland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genauesten Beschreibung eine liefländischen Hakens. 1786. Riga, 1786.

³ Eckardt J. Der livländische Landtag in seiner historischen Entwicklung // Baltische Monatsschrift. 1861. Bd. III. S. 38-78; 116-159.

⁴ Eckardt J. Die baltischen Provinzen Rußlands. Leipzig, 1869; Eckardt J. Livland im achtzehnten Jahrhundert. Leipzig, 1876.

⁵ Исследователь ввёл в научный оборот большое количество архивных материалов, в том числе и документов ландтага 1765 г. К сожалению, в соответствии с нормами библиографического описания документов того времени, в своей работе он не указал точных отсылок на архивные материалы.

⁶ Sacke G. Livländische Politik Katharinas II. // Quellen und Forschungen zur Baltischen Geschichte. Riga, 1944, H. 5. S. 51–54.

⁷ Wikhsninsch N. Die Aufklärung und die Agrarfrage in Livland. Riga, 1933. S. 236–237.

⁸ Donnert E. Die Leibeigenschaft im Ostbalticum und die livländische Aufklärungsgeschichtsschreibung // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friederich-Schiller-Universität. Jena. 1960/1961. 10 Jg. H. 4. S. 239–247.

⁹ Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб., 1910. С. 192; Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф.Владимирову-Буданову / Под ред. М.Н.Ясинского. Киев, 1904. С. 62; Флоровский А.В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910. С. VI.

¹⁰ Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. С. 353.

¹¹ Лаур М. Вопрос о манленах в Лифляндии и Эстляндии в 60-х годах XVIII в. // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Т. 832. Положение крестьянства и аграрная политика в Прибалтике в XIV XIX вв. Исследования по истории стран Балтики VI. Тарту, 1988. С. 32–39.

¹² Seppel M. The Landlords' Obligation to maintain their Serfs in the Baltic Provinces // Social History. 2009. Vol 34, № 3. P. 284–300; The Growth of the State and its Consequences on the Structure of Serfdom in the Baltic provinces / 1550 – 1770 // *Shiavitù e servaggio nell' economia Europea secc. XI–XVIII = Serfdom and slavery in the European economy 11th – 18 centuries / a cura di S. Cavaciocchi. Firenze, S. 291–308.*

проектов Эйзена с позицией императрицы по данному вопросу ставилась в работах, изучающих жизнедеятельность пастора¹. Представляются значимыми выводы Х.Нойшеффера, полагающего, что Эйзен рассматривал свои проекты не только в контексте реформирования аграрного вопроса в остзейских провинциях, но и во всём российском государстве². Эта оценка существенно корректирует и позицию верховной власти в отношении крестьянского вопроса во внутренней России.

Среди последних значительных работ, посвящённых этой личности, следует назвать издание «Иоганн Георг Эйзен: избранные сочинения. Немецкое народное просвещение и крепостное право в Российском государстве», осуществлённое Р.Бартлеттом и Э.Доннертом³. Помимо биографии Эйзена, в книге помещены его сочинения, в том числе «Описание крепостного права одного ливляндского патриота...»⁴. Исследователи уделили внимание истории возникновения данного произведения, показали его значение в правительственных попытках облегчить положение крестьян в крае⁵.

В целом, следует все же отметить, что внимание исследователей в большей степени обращено на само остзейское дворянство, на модели управления краем, нежели на выявление причин, способствующих активизации внимания правительства к аграрному вопросу в 60-е гг. XVIII в.

Внимание императрицы Екатерины II к институциональным и социально-экономическим особенностям Остзейского края (к правам и привилегиям остзейских сословий) стало определяться уже в первые годы ее царствования (1763)⁶. Этому способствовало рассмотрение вопроса о раздаче государственных имений в Ливляндии в аренду. Интерес Екатерины к земельным ресурсам края был вызван необходимостью наградить тех, кто поддержал её в перевороте 28 июня 1762 г. Стало известным, что лица, занесённые в матрикулу местного рыцарства, при получении аренд пользуются преимуществом перед другими. Через камер-контору ливляндских и эстляндских дел начали собираться сведения о дворянской матрикуле: сколько в неё занесено фамилий до присоединения Ливляндии к России, сколько потом и на каком основании. Всё это вызывало тревогу среди остзейского дворянства, которая ещё больше усилилась при принятии патента 12 ноября 1763 г. Патент разрешал лицам, имевшим заслуги перед государством (в том числе офицерам русской армии) подавать заявления о предоставлении им аренд в Ливляндии. Указом же 4 марта 1764 г. в состав ливляндского и эстляндского рыцарства с занесением в матрикулу были включены 15 офицеров и сановников – немцев по происхождению, принадлежащих к различным социальным слоям. Данный указ вызвал заметное недовольство прибалтийского дворянства⁷. Однако, для императрицы было важно разрушить монополию остзейского рыцарства на получение аренд. Это действие свидетельствовало о намерениях власти усилить позиции центрального правительства в этом крае. Императрица начинает серьёзно задумываться о положении остзейских сословий, чьи привилегии входят в противоречие с интересами государства.

Однако, в начале ее правления для нее актуальным становится аграрный вопрос в Остзейском крае, включавший и его крестьянский аспект. Здесь следует остановиться на особенностях системы землевладения, существовавшей в остзейских землях со времён шведского правления. Как известно, в последнее двадцатилетие XVII в. шведское правительство, как в самой Швеции, так и в её прибалтийских владениях, провело редукцию имений, т.е. изъятие у дворянства земель ранее, пожалованных королем. В результате редукции только в Ливляндии государству перешло (84%)⁸.

По большей части эти земли были оставлены за прежними владельцами, но на правах арендаторов. Помимо этого в прибалтийских провинциях работала специальная комиссия, задачей которой являлись измерение и оценка земель в государственных имениях. Была принята единица обложения (государственных податей) и повинностей (в пользу помещика) – крестьянский двор, дававший помещику и арендатору имения 60 талеров в год, что равнялось 1 ревизионному гаку⁹. Вмешательство государства имело определённый позитивный результат. Доходность двора и в зависимости от него крестьянские повинности (барщина, оброк) в государственных имениях фиксировались в вакенбухах (сводах правил; по шведски – *Wakkenbuche*, по нем. – *Wackenbücher*),

¹ Bartlett R. «Das Recht der Prediger in Liefland in ihrer Kronbesoldung»: Johann Georg Eisen und die Einkünfte der Pastoren in Livland im 18. Jahrhundert // *Europa in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mühlhpfordt*. Band. 3. Aufbruch zur Moderne / Hrsg. E. Donnert. Köln; Wien, 1997. S. 429–445.

² Neuschäffer H. Der livländische Pastor und Kameralist Johann Georg Eisen von Schwarzenberg. Ein deutscher Vertreter der Aufklärung in Rußland zu Beginn der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Rußland und Deutschland* / Hrsg. U. Lizkowski. Stuttgart, 1974. С. 120–143. (Kieler Historische Studien; Bd. 22).

³ Johann Georg Eisen (1717–1779). *Ausgewählte Schriften: deutsche Volksaufklärung und Leibeigenschaft im Russischen Reich* / Hrsg. von R. Bartlett und E. Donnert. Marburg, 1998.

⁴ Eisen J. G. *Eines liefländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Liefland über die Bauern eingeführt ist* // Johann Georg Eisen (1717–1779). *Ausgewählte Schriften ...* S. 219–237.

⁵ Johann Georg Eisen (1717–1779). *Ausgewählte Schriften ...* S. 34.

⁶ О положении остзейских сословий в начале царствования Екатерины II см.: Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М., 2009. С. 118–134.

⁷ Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946. С. 319–322.

⁸ Isberg A. Karl XI och den livländska adeln 1684–1695: Studier rörande det karolinska enväldets införande i Livland. Lund, 1953.

⁹ История Эстонской ССР: в 3 т. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века / Под ред. А.Вассара и Г.Наана. Таллин, 1961. С. 430.

т. е. дворяне не могли увеличить повинности по своему произволу. Это явилось серьезным ограничением владельческих прав дворян.

Петр I, присоединяя остзейские земли к России, возвратил помещикам конфискованные у них поместья. Последующие монархи признали за остзейским дворянством ряд других привилегий. Например, Екатерина I наряду с прежними привилегиями остзейского дворянства, признала и грамоту польского короля Сигизмунда Августа 1561 г., которая даровала права на владение имениями, превращение ленных держаний в аллодальную собственность, распоряжение личностью и имуществом крестьянства. При Петре II ленники получили право наследования по женской линии вплоть до пятого колена¹. И всё же сама центральная власть в первой половине XVIII в. не рассматривала ленные поместья как аллодальные и запрещала дворянам отчуждать лены без разрешения². Таким образом, большая часть земель в остзейских губерниях находилась во владении дворян на основе ленного права. Количество же государственных имений уменьшилось. Прежнее шведское аграрное законодательство, ограждавшее крестьян от произвола, уже не действовало.

Остзейское же дворянство полагало, что имеющиеся привилегии дают ленным поместьям Эстляндии и Лифляндии права аллодальных земельных владений³. Так, в 1739 г. Лифляндская ландратская коллегия под руководством ландмаршала О.Ф. фон Розена в ответ на запрос Сената об имущественных правах крестьян в остзейских губерниях подала в Юстиц-коллегию официальное донесение, в котором заявлялось о праве полной, ничем не ограниченной собственности над крестьянами Лифляндии. Все крестьянские службы и повинности объявлялись неопределёнными и зависящими от усмотрения господ вследствие крепостного права⁴. Этот документ, который не имел юридической силы, ставил целью показать центральному правительству, что крестьянский вопрос – это прежде всего дело самих лифляндских дворян.

Проблематичность системы остзейского землевладения в то время рассматривалась центральным правительством в контексте фискальных интересов государства. К началу царствования Екатерины II в Прибалтике установился поземельный налог, равный по своему размеру российской подушной подати. Величина налога определялась земельным кадастром XVII в. и ревизиями XVIII в., выявившими количество возделываемой крестьянской земли, с которой и уплачивался налог, в то же время помещичья земля была свободна от обложения. Подобная практика приводила к противоречиям между российским правительством и остзейскими помещиками, поскольку разорение крестьянского хозяйства непосильной барщиной и присоединение крестьянской земли к помещичьим полям приводило к исчезновению объекта поземельного обложения. Остзейские помещики уже не обращали внимания на вакенбухи.

В.О. Семевский отмечал, что в Прибалтике сложились особо тяжёлые формы эксплуатации крестьянства: помимо барщины и различного рода сборов натурой, в повинности крестьянства входило следующее: предоставление подвод для отвоза в город помещичьего хлеба; работы при молотье, приготовлении солода, винокурении; прядение; некоторые денежные расходы (жалование караульным на господском дворе) и т.п. Положение крестьян усугублялось существованием владельческих монополий: крестьянин выменивал у господина соль, железо, табак на свой хлеб; варение и продажа пива и вина составляли монополию господина⁵. Крестьянин не имел возможности приобретать какую-либо собственность. Всё, что он добывал своим трудом, по закону принадлежало его господину. Положение крестьян усугублялось и тем, что землевладельцам позволялось отдавать землю в аренду недворянам – «ландзасам» (Landsassen), что весьма широко применялось остзейскими помещиками. Очень часто использовалась и субаренда, в результате которой между помещиками и крестьянами образовался целый слой управителей, содержавшийся за счет поместий⁶. Ухудшила состояние крестьянских хозяйств и Семилетняя война.

Крестьянские жалобы доходили до Екатерины II. В письме к Броуну, посланном летом 1762 г., императрица писала, что ей «известно, что во многих мызах здесь арендаторы и помещики не по-человечески с крестьянами обходятся»⁷. В ответном письме от 19 июля 1762 г. Броун отмечал, что он, действительно, получил несколько жалоб от помещичьих крестьян, но счёл их «неправильными». Императрице было обещано, что при получении справедливых жалоб от крестьян, они будут рассмотрены. Трудно сказать, в чём заключались эти прошения, и почему генерал-

¹ ПСЗ. № 4743, 5332.

² Лаур М. Вопрос о манленах в Лифляндии и Эстляндии в 60-х годах XVIII в. // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Т. 832. Положение крестьянства и аграрная политика в Прибалтике в XIV–XIX вв. Исследования по истории стран Балтики VI. Тарту, 1988. С. 33.

³ Лаур М. Вопрос о манленах в Лифляндии и Эстляндии в 60-х годах XVIII в... С. 34.

⁴ См.: Самарин Ю. Письма об освобождении крестьян Прибалтийского края от крепостной зависимости // Сельское благоустройство. 1858. Кн. 1. С. 85.

⁵ Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II: в 2 т. СПб., 1901. Т. 1. С. 91–92. По поводу объёма прав остзейских помещиков см. также: Löning E. Befreiung des Bauernstandes in Deutschland und in Livland // Baltische Monatsschrift. 1880. № 27. С. 96, 112.

⁶ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. М., 2002. С. 117.

⁷ Цит. по: Дюбюк Е.Ф. Крестьянское движение в Лифляндии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. 1942. № 13. С. 181.

губернатор нашёл их несправедливыми: об этом в письме не говорится¹. Вместе с тем, было отмечено тяжёлое положение крестьян арендных мыз: «здесь крестьянам ... от арендаторов есть отягощение и разорение, а лесам немалая трата». Как видно из его донесения, крестьяне арендных мыз не имели хлеба не только на семена, но и на пропитание, а потому весной и летом того же года обратились к нему за помощью.

Нельзя сказать, что власть оставляла без внимания крестьянство в помещичьих имениях. Еще указами 1723, 1734 г. на дворянство российское возлагалась обязанность кормить своих крестьян и предоставлять им зерно в трудные времена. Известно, что плакат 1749 г. местного управления Лифляндии на основании указа 1723 г. требовал от лифляндских помещиков наделять зерном крестьян, живущих в нужде. Указ же 1734 г. вменял в обязанность лифляндскому помещику поддерживать своих крестьян в сложное время, чтобы они не ударились в бега и не оставляли свои поля незасеянными². Возможно, приток этих челобитных способствовал тому, что власть в лице Сената в 1763 г. потребовала от помещиков установить зерновые запасы для крестьянства. С этого года губернская канцелярия стала постоянно напоминать владельцам поместий об их обязанности поддерживать своих крестьян. В 1765 г. в первый раз был даже наложен штраф на помещиков, которые не желали заботиться о зерновом запасе для своих крестьян³.

Следует сказать, что местные власти в лице губернатора думали об облегчении положения крестьян. Так, Броун, для того чтобы не довести крестьян до крайнего разорения, распорядился выдать из хлебных государственных магазинов «заимообразно» до 3–4 тысяч четвертей. Эту меру он обосновывал тем, чтобы крестьяне не скосили зелёный хлеб и не употребили его в пищу, вследствие чего они могли «впасть в болезни». Броун обещал, что осенью этот хлеб будет возвращён в магазины⁴.

Причину их бедственного положения Броун видел в неумеренных аппетитах местных арендаторов: «... великое и неумеренное ... имеют лакомство в деньгах», что может привести к разорению как крестьян, так и их земель. Предвидя все возможные случаи, связанные с крайним обеднением крестьянских дворов, Броун обещал поручить земскому суду их расследовать. Он обязывался отнять мызы у тех арендаторов, которые будут виновны в обнищании крестьянских хозяйств⁵.

Интерес, проявленный правительством к положению крестьянства в остзейских губерниях, имел экономические корни. Бедственное положение крестьянства, лишённого всякой собственности, побеги, участвовавшие особенно в последние годы царствования Елизаветы Петровны, снижали поступление государственных доходов из Лифляндии. Если в 1740-е годы правительство ежегодно получало из Лифляндии 135 тыс. талеров дохода, то в 1759 г. только 105 тыс. Фискальные интересы государства требовали осуществить переоценку земель и крестьянских повинностей, на что не соглашались остзейские помещики. Они не были заинтересованы в точном разграничении земель (податной крестьянской земли и помещичьей, свободной от налогов) и в фиксировании повинностей крестьян. Поскольку у остзейского дворянства наблюдалось стремление сделать аллодальными ленные пожалования и даже государственные податные земли, оно упорно сопротивлялось всякому изменению существующего положения. При этом остзейские дворяне ссылались на свои привилегии, данные им предшествующими правителями и подтверждённые российскими государями. Так, они выражали своё недовольство по поводу последней ревизии 1757 г., смысл которого заключался в том, что правительство не должно проводить ревизии⁶.

Последняя ревизия под шведским владычеством была произведена в 1688 г. Петр I и Екатерина I подтвердили, чтобы никакими податями, кроме тех, которые платились под шведской короной, не отягощать остзейские провинции. Остзейские дворяне жаловались на деятельность ревизион-комиссии, которая, по их мнению, нарушила их права и привилегии. Важным объектом их критики явилось то, что комиссия не приняла вакенбухов 1688 г., т.е. не приняла описанных там правил к назначению гаков, тем самым зачислила в гаки «новораспаханные» земли, а также мельницы, земли при корчмах и все крестьянские земли. Это привело к увеличению гаков и, соответственно, росту повинностей земства. Таким образом, некоторые усадьбы, не записанные в вакенбухах 1688 г., были «поставлены в оклад», т.е. должны были нести подати. По ревизии, которая продолжалась с 1731 г. по 1734 г., число гаков в Лифляндии выросло до 4788, по следующей ревизии 1750 г. – до 5725, а по ревизии 1757 г. – до 6424 гаков⁷.

Это и вызвало возмущение лифляндского дворянства, которое оно отнюдь не старалось скрывать. Так, в 1764 г. чиновник конторы Камер-коллегии сообщал, что «здесь ландраты učinили себя совершенными властителями»: принесли жалобу от владельцев, которые, имея на руках

¹ Доношение Броуна от 19 июля 1762 г. // Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Ч. 1. Д. 862. Л. 48.

² Seppel M. The Growth of the State and its Consequences on the Structure of Serfdom in the Baltic provinces / 1550 – 1770 // *Shiavitù e servaggio nell' economia Europea ...* S. 300.

³ Seppel M. Landlords' Obligation to maintain their Serfs in the Baltic Provinces // *Social History*. 2009. Vol 34, № 3. P. 284–300.

⁴ Доношение Броуна от 19 июля 1762 г. // РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ч. 1. Д. 862. Л. 47–47 об.

⁵ Доношение Броуна от 19 июля 1762 г. // РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ч. 1. Д. 862. Л. 46 об.

⁶ Зутис Я. Остзейский вопрос ... С. 299–300, 345.

⁷ См.: Граф Сиверс. Гак // *Энциклопедический лексикон*. СПб., 1838. Т. 13. С. 114.

старые и новые ревизионные книги, обозначили некоторые крестьянские земли в 14 маятностях, как свободные от налогов. Обосновывалось это тем, что при шведской ревизии при исчислении гаков эти земли не были положены «в оклад». Таким образом, помещики рассматривали шведское исчисление гаков непоколебимым¹. Очевидно, во время путешествия сетования дворянства по этому поводу дошли до императрицы, о чём она пишет за день до отъезда из Риги 14 июля 1764 г. Ю.Ю.Броуну и повелевает ему: «Известно нам, что некоторые лифляндские помещики на бывшую последнюю в Лифляндии ревизию неудовольствие имеют, того ради прикажите публиковать, чтоб все такие жалобы свои принесли Вам от сего числа в месяц, которые Вам, разобрав, с мнением своим предоставить в Камер-контору лифляндских и эстляндских дел, и такое же представление сделать и нам»². Впоследствии жалобы дворянства будут критически рассмотрены Сенатом, нашедшего претензии лифляндского дворянства необоснованными³.

Важную роль в складывании отношения власти к аграрным и социальным вопросам в Остзейском крае сыграло вышеупомянутое путешествие Екатерины II в прибалтийские губернии⁴. Пребывая в Остзейском крае, Екатерина стремится уяснить для себя аграрную ситуацию в регионе, и в частности положение крестьян. Она посещает помещицкие экономии в Лифляндии и Эстляндии. 23 июня 1764 г. она останавливается на целый день в мызе Колга ландрата графа Магнуса Стенбока в Харьюском уезде⁵. Нойшеффер высказывает предположение, что здесь она имела беседу с графом Стенбоком. Граф в этом же 1764 г. побывал в Голштейне у родственников своей жены, и императрица могла узнать от него о проведённых в Голштейне и Шлезвиге преобразованиях⁶.

2 июля 1764 г. она посещает несколько имений эстляндских помещиков: в Кегле (Kegel) – имение фон Хольштейна (Stael von Holstein), в Крине (Krina) – имение Вортмана (Wortman)⁷. 3 июля она посещает имение господина Поссиета (коменданта Пернау) в Коше (Kosch)⁸. 17 июля Екатерина побывала в имении Ропкой (Ropkoy) графа Карла Сиверса и посетила деревню неподалеку от Дерпта⁹.

Ещё перед высочайшим приездом жителям Лифляндии напомнили об указах от 12 июля 1762 г. и от 11 июня 1763 г., строго запрещающих подачу прошений лично государыне¹⁰. Несмотря на эти предупреждения, как считают исследователи разных поколений, крестьяне в бытность императрицы в Лифляндии подавали ей жалобы¹¹.

До нас не дошли прямые исторические свидетельства об общении императрицы с крестьянами. Однако, как показала деятельность Ландтага 1765 г., подобные факты могли иметь место. О том, что представления Екатерины о нищете лифляндских крепостных были усилены её впечатлениями при проезде по Прибалтике, пишет Г.Меркель¹².

Очевидно, что для самой императрицы основным источником информации о положении крестьянства являлись лютеранские пасторы. Немецкие исследователи В.Врангель и Г.Крузенштерн отмечали, что «она старалась разведать условия крестьянского народа, и должно быть осведомлялась у немецких пасторов относительно сборов ...»¹³. Наиболее важным для Екатерины было общение с пастором Иоганном Георгом Эйзенем, который был известен своими проектами улучшения положения крестьян ещё при Петре III. 30 октября 1763 г. в Петербурге во время аудиенции она поручила Эйзену устроить колонию свободных людей в Бромме (Bromma) неподалеку от Ораниенбаума¹⁴. Впоследствии пастор по приглашению графа Орлова с конца 1764 г. тру-

¹ Доношение от 18 декабря 1764 г. // РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ч. 1. Д. 862. Л. 2.

² Указы и рескрипты императрицы Екатерины II к лифляндскому и эстляндскому генерал-губернатору Ю.Ю.Броуну, 14 июля 1764 г. // Сборник материалов и статей ... Т. 4. С. 370.

³ В указе от 23 января 1769 г. Сенат высоко оценил деятельность ревизионной комиссии 1757 г., которая «при исчислении и уравнивании на мызах» действовала «справедливо и законно»: «...никаких излишних, против шведского времени, налогов, на приватные мызы не наложено...». Поэтому Сенат объявлял о продолжении сбора податей с публичных и приватных мыз по ревизии 1757 г. по представленной ею вакенбухам вплоть до будущей ревизии. См.: О сборе в Лифляндии с публичных мыз и приватных мыз податей по последней 1757 года ревизии, 23 января 1769 г. // ПСЗ. Т. 18. № 13241. С. 817.

⁴ Путешествие длилось с 24 июня по 25 июля 1764 г. Вначале императрица через Нарву отправилась в Ревель, затем в Балтийский порт, после в Пернов. Посетив Эстляндию, она поехала дальше – в Лифляндию. Во время пребывания в Риге ею была совершена поездка в Курляндию – Митаву, затем в Дерпт, и далее через Нарву в Петербург.

⁵ Журнал высочайшего путешествия императрицы Екатерины II в Нарву, Ревель, Ригу, Митаву и обратно в Санкт-Петербург, с 20 июня по 25 июля 1764 г. // КФЖ. 1764. С. 269.

⁶ Neuschäffer H. Katharina II und die baltischen Provinzen. Hannover-Döhren: Harro v.Hirschheydt, 1975. S. 381.

⁷ Журнал высочайшего путешествия ... С. 293.

⁸ Reise der Kaiserin Catharina II. nach Est-und Livland vom 20. Juni bis zum 25. Juli 1764. Nach authentischen Quellen // Wagien. Baltische Studien und Erinnerungen / von dr. Bertram. Dorpat, 1868. С. 147.

⁹ Журнал высочайшего путешествия ... С. 337.

¹⁰ Путешествие императрицы Екатерины II по Эстляндии и Лифляндии в 1764 г. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. С. 571.

¹¹ См.: Рихтер А.Е. История крестьянского сословия в Прибалтийской губернии в присоединенных в России прибалтийских губерниях. Рига, 1860. С. 17; Дюбюк Е.Ф. Крестьянское движение в Лифляндии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. 1942. № 13. С. 181.

¹² Merkel G. Die freie Letten und Esthen. Leipzig, 1820. S. 132.

¹³ Wrangell W. baron, Krusenstjern G.von. Die Estländische Ritterschaft, ihre Ritterschaftshauptmänner und Landräte. Lüneburg/Lahn, 1967. S. 65.

¹⁴ Conze W. Hirschenhof. Die Geschichte einer deutschen Sprachinsel in Livland. Berlin, 1934. S. 26.

дился над своим проектом в его имении – Ропше. В июле 1764 г. Екатерина и Эйзен встретились в Торме неподалеку от Дерпта. Врангель и Крузенштерн полагают, что именно здесь ему было поручено составить проект, в котором должны быть письменно зафиксированы крестьянские повинности в Лифляндии¹.

В конце 1764 г. в петербургском историческом журнале «Sammlung Russischer Geschichte», издаваемом на немецком языке академиком Г.Ф.Миллером, было напечатано анонимное произведение «Описание одним ливляндским патриотом крепостного рабства как оно учреждено над крестьянами в Лифляндии»². В этом издании по пунктам дается обширное описание дурных личных качеств крепостных крестьян – следствие крепостного права – и слабостей ливляндского сельского хозяйства. В нём отмечается, что регулирование барщины посредством вакенбухов соблюдается только в случае, если это государственные имения. В одном из пунктов предлагалось улучшение положения крестьянина посредством его перевода с барщины на оброк³.

Автором сочинения являлся пастор И.Г.Эйзен, который написал его ещё в 1756 г. Неизвестно, почему в 1764 г., вскоре после возвращения Екатерины II из путешествия по остзейским землям, Миллер публикует данное сочинение, к тому же вопреки прямым возражениям Эйзена. Возможно, он почувствовал интерес Екатерины к крестьянскому вопросу; видимо, и содержание подходило к данному выпуску «Sammlung Russischer Geschichte», содержащему сведения о Лифляндии. Однако, после его издания Эйзен счёл нужным выступить с возражениями против публикации⁴.

В это время пастор с большими усилиями разрабатывал проект в Ропше. Возможно, что покровители Эйзена, в том числе гр. Г.Г.Орлов, желали, чтобы эти работы по крестьянскому вопросу осуществлялись секретно⁵. С другой стороны, пастор, вероятно, опасался, что публикация этого сочинения может вызвать обструкцию и враждебные действия со стороны остзейского дворянства. Негативную реакцию Эйзена вызывало также то, что Миллер сделал ряд изменений в сочинении, которые показывали российских дворян в лучшем свете, нежели ливляндских⁶, в то время как сам Эйзен составлял в Ропше проект по улучшению положения крестьян в России, выдвигая план наследственной крестьянской аренды⁷.

В частности, об этом говорит замечание пастора по поводу перевода крестьян с барщины на оброк, предложения, которое он приписывает целиком Миллеру: «Параграф «Мы хотим взять в пример Россию», и.т.д. принадлежит полностью господину профессору (Миллеру)⁸. Я хотел бы наоборот пожелать дворянам России, чтобы у них границы [т.е. границы страны, государства] были такие же близкие, как у ливляндца, и чтобы они имели возможность легче продавать продукты; в таком случае они были бы также искусны в ведении хозяйства [как ливляндцы], вместо этого они вынуждены позволять своим людям уходить за тысячу верст и бродить по всей России, так как они не в состоянии держать людей поблизости и выгодно занимать их. Обстоятельство, которое наносит ущерб сельскому хозяйству России, и которое отвлекает крестьян от выполнения их гражданского долга и поэтому затрудняет возникновение крестьянского сословия»⁹. Х.Нойшеффер полагает, что Эйзену принадлежит важная роль в борьбе против крепостного права не только в остзейских провинциях, но и во всём российском государстве¹⁰.

Так или иначе, пафос этой публикации был направлен на обличение крепостного права в Лифляндии, о чём должны были задуматься Ливляндские дворяне. Впоследствии данное издание станет аргументом на Ландтаге 1765 г. в дискуссии по реформированию современного состояния крестьян. Немецкие исследователи разных поколений большей частью сопрягают аграрный вопрос в Лифляндии и проблему привилегий остзейского дворянства. Одни из них отмечают, что Екатерина использовала Эйзена как публициста в борьбе против ливляндского рыцарства¹¹. Дру-

¹ Wrangell W. baron. Krusenstjern G.von. Die Estländische Ritterschaft ... S. 65.

² Sammlung Russischer Geschichte. 1764. Bd. IX. S. 491–527.

³ Eisen J.G. Eines Livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist // Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften: deutsche Volksaufklärung und Leibeigenschaft im Russischen Reich / Hrsg. von R.Bartlett und E.Donnert. Marburg, 1998. S. 219–238. (Quellen zur Geschichte und Landeskunde Ostmitteleuropas, 2).

⁴ Bartlett R., Donnert E. Einleitung // Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften ... S. 35–36.

⁵ См.: Eisen an Müller, Briefe № 26, 27 // Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften ... S. 582.

⁶ См.: Eisen J.G. Eines Livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist // Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften ... S. 232–233.

⁷ Хотелось бы поблагодарить британского исследователя Роджера Бартлетта за консультирование относительно пастора И.Г.Эйзена и его проектов.

⁸ См. текст, на который даёт своё замечание Эйзен: Eisen J.G. Eines Livländischen Patrioten Beschreibung ... S. 232–233.

⁹ Eisen I.G. Pastoren zu Torma in Liefland, Anmerkung über seine von dem Herrn Prof. Müller zu Sanktpetersburg in dem 9ten Bande desselben Sammlungen russischer Geschichte, eingerückte Beschreibung von der Leibeigenschaft in Liefland // Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften ... S. 237.

¹⁰ Neuschäffer H. Der livländische Pastor und Kameralist Johann Georg Eisen von Schwarzenberg. Ein deutscher Vertreter der Aufklärung in Rußland zu Beginn der zweiten Hälfte des 18 Jahrhunderts // Rußland and Deutschland / Hrsg. U.Liszkowski. Stuttgart, 1974. S. 132. (Kieler Historische Studien, Bd. 22).

¹¹ Wihksninsch N. Die Aufklärung und die Agrarfrage in Livland. Riga, 1933. S. 209.

гие развивают эту мысль дальше: для того чтобы ограничить привилегии, необходимо было вначале обратить внимание на крестьянский вопрос¹.

Таким образом, путешествуя по остзейским провинциям, императрица имела возможность ознакомиться с комплексом аграрных проблем в регионе, о которых она начала задумываться ещё ранее. Можно предположить, что пребывание в крае могло укрепить её в мысли относительно неотрегулированности взаимоотношений остзейских крестьян с помещиками и необходимости их точного определения в законодательстве. Екатерина приняла решение воздействовать на аграрную ситуацию в остзейских землях.

Важным следствием пребывания императрицы в Остзейском крае стали ее договоренности с ливляндским губернатором относительно созыва ливляндского ландтага в начале 1765 г. Екатерина предписала ливляндскому губернатору принять меры к облегчению положения крестьян и обратить внимание на ограждение крестьян от всякого увеличения барщины. Именно во время её пребывания в Риге были оговорены условия по крестьянскому вопросу, которые должен был обсудить ливляндский ландтаг через полгода². Броун успокоил Екатерину обещанием, что само рыцарство пресечёт злоупотребления, возникающие от неопределённости отношений помещика к крестьянам, что «на первом ландтаге он не упустит заявить и будет настаивать на приведение высочайшей воли в исполнение»³.

Императрица стала инициатором созыва ландтага, который должен был начать свою работу 25 января 1765 г. Главным вопросом, который должно было рассмотреть ливляндское дворянство, являлось улучшение бедственного положения крестьянства. Результаты обсуждения императрицы и Броуна этих вопросов были отражены в речи ливляндского губернатора в самом начале работы ландтага – 26 января 1765 г. В своей речи Броун, по-сути, выступил с «наказом» Екатерины, положениями которого дворяне должны были руководствоваться в решении данной проблемы⁴. В начале своей речи генерал-губернатор остановился на причинах, вызвавших созыв ландтага. Он акцентировал внимание на том, что основным импульсом для созыва форума явились поданные императрице во время её путешествия жалобы крестьян на помещиков: «...государыня к крайнему своему неудовольствию убедилась в бытность свою в Эстляндии и Ливляндии, что они [жалобы] справедливы»⁵. Таким образом, несмотря на то, что известия о прошениях крестьянства во время приезда Екатерины не сохранились, выступление Броуна свидетельствовало, что они были.

В речи Броуна была определена и конечная цель ландтага: сообщение о «милостивом намерении» императрицы освободить крестьян Ливляндии от крайностей притеснений помещиков⁶. В силу этого генерал-губернатор представил ландтагу «препозиции», своего рода предложения, которые тот должен был принять⁷. Их насчитывалось 11, среди которых наиболее важными явился 3-й – нищета крестьянства⁸. В целом, по крестьянскому вопросу, Броун предложил:

- 1) признать крестьянскую движимость полной собственностью;
- 2) разрешить свободную продажу продуктов крестьянского хозяйства;
- 3) привести повинности крестьян к определённой норме;
- 4) ограничить судебную компетенцию помещиков, т.е. ограничить произвол помещиков в наказаниях;
- 5) признать право крестьян жаловаться на своих помещиков⁹.

Как известно, на ландтаге разгорелась сложная политическая борьба, но 12 апреля 1765 г. дворянство было вынуждено принять патент, в котором нашли своё отражение все пункты третьей «препозиции» Броуна¹⁰.

Проведение этих норм посредством Ландтага стало возможным, поскольку крестьянин когда-то имел часть этих прав по шведскому законодательству: он мог обращаться в суд, существовали вакенбухи, ограничивающие размер повинностей. Он имел право даже на недвижимую собственность. В этом смысле принятие патента не было чем-то радикальным в её политической

¹ Sacke G. *Livländische Politik Katharinas II* // Quellen und Forschungen zur Baltischen Geschichte. Riga, 1944. H. 5. S. 38; Donnert E. *Die Leibeigenschaft im Ostbalticum und die livländische Aufklärungsgeschichtsschreibung* // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität. Jena, 1960/1961. 10. Jg., H. 4. S. 241.

² Ю.Ю. Броун – Екатерине II, 27 апреля 1765 г. // РГАДА. Ф. 16. Д. 862. Ч. 2. Л. 166.

³ Цит. по: Рихтер А. *История крестьянского сословия в Прибалтийской губернии в присоединённых в России прибалтийских губерниях*. Рига, 1860. С. 170.

⁴ [Протокол Ландтага от 26 января 1765 г.] Am 26 Januarii 1765 // Protokollum ... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. l. 2–3; Propositiones // LVVA. F. 214. Apr. 2. L. 253. l. 147–148.

⁵ [Протокол Ландтага от 26 января 1765 г.] Am 26 Januarii 1765 ... l. 147–148.

⁶ [Протокол Ландтага от 26 января 1765 г.] Am 26 Januarii 1765 ... l. 147–148.

⁷ Данные препозиции отложились в протоколах Ландтага 1765 г. и впервые были опубликованы Г. Яннау // Jannau H. *Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern in Lief.-und Estland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genauesten Beschreibung eine liefländischen Hakens*. 1786. Riga, 1786. S. 90–98.

⁸ См.: Propositiones // LVVA. F. 214. Apr. 2. L. 253. l. 147–148.

⁹ [Протокол Ландтага от 26 января 1765 г.] Am 26 Januarii 1765 // Protokollum... LVVA. F. 673. Apr. 1. L. 1346. l. 2–3; Propositiones // LVVA. F. 214. Apr. 2. L. 253. l. 147–148; Jannau H. *Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern in Lief.-und Estland* ... S. 99.

¹⁰ О расстановке политических сил на ливляндском ландтаге см.: Ибнеева Г.В. *Ливляндский Ландтаг 1765 г.* // Известия Самарского центра Российской Академии наук. Специальный выпуск «Философия и история». Самара, 2006. С. 61–71.

практике. Тем не менее, принятие патента было значительным актом, наделявшим крестьянство определенными гражданскими правами.

Таким образом, была проведена большая подготовительная работа, немалая часть которой была осуществлена при прямом взаимодействии императрицы Екатерины II и Ю.Ю.Броуна. Комплекс проблем, связанных дворянским землевладением и крестьянством, определил внимание Екатерины к социально-экономической инфраструктуре Остзейского края. Важным следствием пребывания Екатерины в прибалтийских губерниях явилось то, что она уверилась в необходимости предпринять срочные меры, ограничивающие лифляндских помещиков в объеме их прав над крестьянами, и направленные на улучшение положения крестьян в Лифляндии.

Во второй половине XVIII в. права привилегированных сословий в крае входили в противоречие с политикой Екатерины II, в перспективе направленной на унификацию различных частей империи. Институциональная модель Остзейского края предполагала диалог во взаимоотношениях между имперской властью и подданными, что было неприемлемо для российской императрицы. В бюрократической доктрине просвещенного абсолютизма не имелось места для какой бы то ни было областной автономии. Она утверждала жесткий авторитарный стиль правления верховной власти, что уже стало заметным и в подготовке, организации и проведении ландтага 1765 г.

Библиография

- Граф Сиверс. Гак // Энциклопедический лексикон. СПб.: Тип. А. Плюшара, 1838. Т. 13. С. 112–115.
- Григорьев В. Реформа местного управления при Екатерине II: Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 г. СПб.: Русская скоропечатня, 1910.
- Дюбек Е.Ф. Крестьянское движение в Лифляндии во второй половине XVIII в. // Исторические записки. 1942. № 13. С. 181.
- Зугис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига: Вапш Книгоиздательство, 1946.
- Зугис Я. Очерки по историографии Латвии. Рига: Латгосиздат, 1949. Ч. 1.
- Ибнеева Г.В. Имперская политика Екатерины II в зеркале венценосных путешествий. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 118–134.
- Ибнеева Г.В. Лифляндский Ландтаг 1765 г. // Известия Самарского центра Российской Академии наук. Специальный выпуск «Философия и история». Самара, 2006. С. 61–71.
- История Эстонской ССР: в 3 т. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века / Под ред. А.Вассара и Г.Наана. Таллин: Эстгосиздат, 1961. С. 430.
- Лаур М. Вопрос о манленах в Лифляндии и Эстляндии в 60-х годах XVIII в. // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Т. 832. Положение крестьянства и аграрная политика в Прибалтике в XIV–XIX вв. Исследования по истории стран Балтики VI. Тарту, 1988. С. 32–39.
- Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. с англ. Н.Л. М.: НЛЮ, 2002.
- Рихтер А.Е. История крестьянского сословия в Прибалтийской губернии в присоединенных в России прибалтийских губерниях. Рига: Тип. А. Плюшара, 1860.
- Самарин Ю. Письма об освобождении крестьян Прибалтийского края от крепостной зависимости // Сельское благоустройство. 1858. № 1. С. 79–102; № 2. С. 173–208.
- Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II: в 2 т. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1901. Т. 1.
- Тарановский Ф.В. Политическая доктрина в Наказе императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф.Владимирову-Буданову / Под ред. М.Н.Ясинского. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1904. С. 44–86.
- Флоровский А.В. Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 г. Вопрос о крепостном праве. Одесса: Типография «Техник», 1910.
- Bartlett R.. «Das Recht der Prediger in Liefeland in ihrer Kronbesoldung»: Johann Georg Eisen und die Einkünfte der Pastoren in Livland im 18. Jahrhundert // Europa in der Frühen Neuzeit: Festschrift für Günter Mühlpfordt. Band. 3. Aufbruch zur Moderne / Hrsg. E.Donnert. Köln; Wien, 1997. S. 429–445.
- Bartlett R., Donnert E. Einleitung // Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften: deutsche Volksaufklärung und Leibeigenschaft im Russischen Reich / Hrsg. von R.Bartlett und E.Donnert. Marburg, 1998. S. 35–36.
- Conze W. Hirschenhof. Die Geschichte einer deutschen Sprachinsel in Livland. Berlin: Junker und Dünnhaupt, 1934.
- Donnert E. Die Leibeigenschaft im Ostbalticum und die livländische Aufklärungsgeschichtsschreibung // Wissenschaftliche Zeitschrift der Friedrich-Schiller-Universität. Jena. 1960/1961. 10 Jg. H. 4. S. 239–247.
- Eckardt J. Der livländische Landtag in seiner historischen Entwicklung // Baltische Monatsschrift. 1861. Bd. III. S. 38–78; 116–159.
- Eisen J.G. Eines Livländischen Patrioten Beschreibung der Leibeigenschaft, wie solche in Livland über die Bauern eingeführt ist // Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften: deutsche Volksaufklärung und Leibeigenschaft im Russischen Reich / Hrsg. von R.Bartlett und E.Donnert. Marburg, 1998. S. 219–238.
- Jannau H. Geschichte der Sklaverei und Character der Bauern in Lief.-und Estland. Ein Beitrag zur Verbesserung der Leibeigenschaft. Nebst der genauesten Beschreibung eine liefländischen Hakens. 1786. Riga, 1786.
- Johann Georg Eisen (1717–1779). Ausgewählte Schriften: deutsche Volksaufklärung und Leibeigenschaft im Russischen Reich / Hrsg. von R.Bartlett und E.Donnert. Marburg, 1998.
- Isberg A. Karl XI och den livländska adeln 1684–1695: Studier rörande det karolinska enväldets införande i Livland. Lund: Lindstedts Universitetsbokh, 1953.

- Löning E. Befreiung des Bauernstandes in Deutschland und in Livland // *Baltische Monatsschrift*. 1880. № 27. S. 89–130.
- Merkel G. Die freie Letten und Esthen. Leipzig: Б.и., 1820.
- Neuschäffer H. Der livländische Pastor und Kameralist Johann Georg Eisen von Schwarzenberg. Ein deutscher Vertreter der Aufklärung in Rußland zu Beginn der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts // *Rußland und Deutschland* / Hrsg. U.Lizskowski. Stuttgart, 1974. С. 120–143.
- Neuschäffer H. Katharina II und die baltischen Provinzen. Hannover-Döhren: Harro v.Hirschheydt, 1975.
- Reise der Kaiserin Catharina II. nach Est-und Livland vom 20. Juni bis zum 25. Juli 1764. Nach authentischen Quellen // *Wagien. Baltische Studien und Erinnerungen* / von dr. Bertram. Dorpat, 1868. S. 142–156.
- Sacke G. Livländische Politik Katharinas II. // *Quellen und Forschungen zur Baltischen Geschichte*. Riga, 1944. H. 5. Marz. S. 26–73.
- Sammlung Russischer Geschichte. 1764. Bd. IX. S. 491–527.
- Seppel M. The Growth of the State and its Consequences on the Structure of Serfdom in the Baltic provinces / 1550 – 1770 // *Shiavitù e servaggio nell' economia Europea secc. XI–XVIII = Serfdom and slavery in the European economy 11th – 18 centuries: atti della "Quarantecinquesima settimana di studi, 14–18 aprile 2013 / a cura di S. Cavaciocchi*. Firenz: Firenz University Press, 2014. S. 291–308.
- Seppel M. The Landlords' Obligation to maintain their Serfs in the Baltic Provinces // *Social History*. 2009. Vol 34, № 3. P. 284–300.
- Wihksninsch N. Die Aufklärung und die Agrarfrage in Livland. Riga: Walter und Rapa, 1933.
- Wrangell W. baron, Krusenst'jern G.von. Die Estländische Ritterschaft, ihre Ritterschaftshauptmänner und Landräte. Lüneburg/Lahn, 1967.

References

- Djubjuk E.F. Krest'janskoe dvizhenie v Lifljandii vo vtoroj polovine XVIII v. // *Istoricheskie zapiski*. 1942. № 13. S. 175–206.
- Florovskij A.V. Iz istorii Ekaterininskoj zakonodatel'noj komissii 1767 g. Vopros o krepostnom prave. Odessa: Tipografiia «Tekhnik», 1910.
- Graf Sivers. Gak // *Jenciklopedicheskij leksikon*. SPb.: Tip. A. Pliushara, 1838. T. 13. S. 112–115.
- Grigor'ev V. Reforma mestnogo upravljenija pri Ekaterine II: Uchrezhdenija o gubernijah 7 nojabrja 1775 g. SPb.: Russkaia skoropechatnia, 1910.
- Ibneeva G.V. Imperskaja politika Ekateriny II v zerkale vencenosnyh puteshestvij. M.: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 2009. S. 118–134.
- Ibneeva G.V. Lifljandskij Landtag 1765 g. // *Izvestija Samarskogo centra Rossijskoj Akademii nauk. Special'nyj vypusk «Filosofija i istorija»*. Samara, 2006. S. 61–71.
- Istorija Jestonskoj SSR: v 3 t. T. 1. S drevnejshih vremen do serediny XIX veka / Pod red. A.Vassara i G.Naana. Tallin: Estgosizdat, 1961. S. 430.
- Laur M. Vopros o manlenah v Lifljandii i Jestljandii v 60-h godah XVIII v. // *Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta*. T. 832. Polozhenie krest'janstva i agrarnaja politika v Pribaltike v HIV XIX vv. Issledovanija po istorii stran Baltiki VI. Tartu, 1988. S. 32–39.
- Madariaga I. de. Rossija v jepohu Ekateriny Velikoj / Per. s angl. N.L.. M.: NLO, 2002.
- Rihter A.E. Istorija krest'janskogo soslovija v Pribaltijskoj gubernii v prisoedinennyh v Rossii pribaltijskih gubernijah. Riga: Tip. A. Pliushara, 1860.
- Samarin Ju. Pis'ma ob osvobozhdenii krest'jan Pribaltijskogo kraja ot krepostnoj zavisimosti // *Sel'skoe blagoustrojstvo*. 1858. № 1. S. 79–102; № 2. S. 173–208.
- Semevsikij V.I. Krest'jane v carstvovanie Ekateriny II: v 2 t. CPb.: Tipografiia tovarishestva «Obshchestvennaia pol'za», 1901. T. 1.
- Taranovskij F.V. Politicheskaja doktrina v Nakaze imperatricy Ekateriny II // *Sbornik statej po istorii prava, posvjashhennyj M.F.Vladimirovu-Budanovu* / Pod red. M.N.Jasinskogo. Kiev: Tip. S. V. Kul'zhenko, 1904. S. 44–86.
- Zutis Ja. Ocherki po istoriografii Latvii. Riga: Latgosizdat, 1949. Ch. 1.
- Zutis Ja. Ostzejskij vopros v XVIII veke. Riga: Vapp Knigoizdatel'stvo, 1946.